

Во все времена огромное влияние на "боевой дух" армии оказывали состояние тыла, бытовая жизнь войска. Поведение воина в бою зависело не только от того, каким оружием он воюет, но и от того, как он экипирован, в каких условиях провел ночь перед боем, как поел, как питался до сражения.

В народе издавна говорили: голодный солдат – плохой солдат. Знал об этом и Петр I, решительно переведший русскую армию на принцип "регулярства", сделав ее чисто профессиональной. Таким образом, отпала необходимость искать пропитание солдату самому, что бывало прежде в стрелцком войске и при поместно-сотенной системе комплектования полков. О том, как "кормилась" армия Петра Великого, и пойдет речь. Поможет нам один документ – рапорт подполковника Щербина командира Смолен-

У СОЛДАТ В ПРОВИАНТЕ НУЖДЫ НЕ БЫЛО

КОММЕНТИРУЯ СТАРИННЫЙ РАПОРТ

"В прошлом 1711 году, как мы ат Риги марш восприняли, и в бытность при Риге дано было провианту для походу урядником и салдатом 996 человеком сухарями на месяц, и оного провианту стало до Ковни без нужды, а как пришли к Ковне, приняли от господина генерала лейтенанта Боура урядником и салдатом 914 человеком августа в 30[-е] число провианту ржи 15 бочек, 10 скотин рогатой, и роздано в полку; а из Ковни... откомандирован был я с офицеры и салдаты вперед в местечко для збору провианту, и что я оного провианту против указа собрал и по приказу господина бригадира Тредина в полки роздал в сентябре в 5[-м] и 6[-м] числах, и для оного провианту оставлен был офицер и салдаты для молотья ржи и для печения хлеба, и как оной офицер и с вышешомянутым провиантом в скорех числах в полк не прибыл, и в то число было салдатом не без нужды; а как прибыли в Гродню, принято от господина генерала лейтенанта Боура провианту урядником и салдатом 889 человеком муки 22 бочки и ржи 38 бочек, соли 1 бочка, 18 скотин рогатых, 8 баранов; а как от Гродни в марш пошли и прибыли в местечко Текотин, и во оном местечке дача была от него ж, господина генерала лейтенанта Боура: сентября 22[-го] числа принято урядником и салдатом 872 человеком муки 55 бочек и с полубочкою, 30 скотин рогатой, 4 гуся, 3 утки, 7 кур русских, и для оного провианту для печения хлеба и для молотья ржи командирован был офицер с салдатом, и покамест оной офицер с провиантом не управился и в полк не прибыл, и в то число было салдатом не без нужда ж; а как мы... от местечка Текотина в марш пошли з господином бригадиром Трединым и пришли в местечко Тиханово, и в том местечке октября в 4[-м] и в 6[-м] числах принято от господина бригадира Тредина провианту: муки полбочки да полбочки овса, 4 барана, 2 гуся, 2 утки, 5 кур русских и роздано урядником и салдатом 847 человеком... и оным провиантом шли до Таруни, и в то число салдатом была хлебная нужда, а у которых урядников и салдат были свои денги, и где могли достать за свои денги, покупали, а у которых денег не было, и в то число пробавлялись капустою и свеклою; а под пушки и амуницею даны были в полк 49 лошадей в Риге от господина генерала лейтенанта Боура, и как оные лошади были здоровы, и в то число салдатом нужды не было, а как оные лошади, илучи допогою до Гродни и в

ИТАК, Смоленский полк, выйдя из недавно завоеванной Риги, должен был пройти через латышские, литовские и польские населенные пункты и прибыть в Померанию. Он выступил, имея при себе сухарный запас на месяц пути. Такой запас в то время назывался подвижным магазином (в отличие от стационарных продовольственных складов-магазинов, хранивших порой тысячи тонн муки и круп, а также сухарей, использовавшихся только в условиях походной жизни) и должен был обеспечить питание смоленцев до прихода в пункт назначения. Готовился сухарный запас загодя, до выступления (если в магазине не имелось готовых сухарей). В 1708 году фельдмаршал Б. П. Шереметев писал генерал-фельдцейхмейстеру Я. В. Брюсу: "Ваше благородие, извольте быть во всякой готовности к походу... и сухарей было б у вас на месяц неотложно... Провиант на месяц артиллерийским служителем фонутерерова полку в сухарях конечно б был готов и еще на неделю для скорого и внезапного походу"¹.

Для приготовления сухарей солдатам выдавалась мука. Они пекли хлеб, резали его на ломти и сушили в печах. Случалось, это делали гражданские жители, что являлось их государственной повинностью, при этом использовались дрова "обывателей", посуда и другие необходимые в пекарном деле принадлежности.

Походный провиант - сухари и некоторые другие продукты, как и сушеное мясо, - солдаты переносили на себе, за спиной. Для этой цели служили мешки-котомки, но уже в период Северной войны у солдат появились и ранцы. В котомке или ранце переносился провиант лишь на несколько дней пути, но месячный обыкновенно перевозился. В рапорте командира Смоленского полка говорится о конном парке этой части, состоявшем из 49 лошадей, которые наряду с боеприпасами, оружием и прочим доставляли и продукты. Для перевозки подвижного магазина пользовались фурами-телегами с четырьмя впряженными лошадьми или двумя волами. Волы, между прочим, сами являлись "запасным провиантом", так как в случае необходимости закалывались и шли солдатам в пищу.

Изучая рапорт, узнаем, что взятого в Вильне провианта "стало" (хватило) до Ковно (полк прошел при этом более 200 км), где солдаты сразу же получили провиант, по-видимому, из стационарного магазина. Оставив Ковно, полк двинулся по направлению к Польше, и сам подполковник

Щерба попутно движению части занимался сбором провианта с "офицеры и салдаты" в местечках, т. е. у гражданских жителей. В документе не говорится, на каком основании осуществлялся сбор продуктов. Видимо, командование Смоленского полка решило прибегнуть к так называемым реквизициям². Военный историк А. З. Мышлаевский писал, что реквизиции были мерами вынужденными, к ним прибегали лишь в исключительных случаях, преимущественно в Ливонии, Финляндии и отчасти в Литве, и именно несвоевременность распоряжений относительно устройства походных магазинов становилась поводом к реквизициям. Этот способ довольствия войск на "чужой" земле был распространен в практике войн той эпохи. Петр I, прекрасно сознавая вред и недопустимость реквизиций, издал в 1705 году указ, запрещающий под страхом смерти брать провиант у местных жителей, чтобы не озлоблять их против русских воинов, разве что "по нужде крайней".

Подполковник Щерба в рапорте упоминает о посылке офицера с солдатами "для молотья ржи и для печення хлебов". Следует заметить, что питание сухарями в течение длительного времени плохо отражалось на здоровье воинов. Поэтому в походе пользовались любой возможностью добыть свежий хлеб, и часто крестьянское поле становилось своеобразным провиантским магазином маршрутирующей мимо части.

Случалось, и из магазина полк получал не муку, а зерно, которое требовалось смолоть, что превращалось порой в трудноразрешимую проблему. Зерно обычно мололи на местных крестьянских мельницах, но в некоторых районах их было недостаточно. "В близости около Борисова, - сообщал Я. В. Брюс бригадир Путереру в 1708 году, - токмо одна мельница и та малая обретается, что невозможно всем свой хлеб на оной мельнице молоть". Чтобы выйти из затруднительного положения, генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев издал инструкцию, в которой приказывал заводить ручные жернова "и имать те жернова в селах и деревнях, где сыскать возможно"³. Этими нехитрыми приспособлениями для помола и предлагалось обзавестись в походной обстановке.

Но требование Шереметева выполнено было далеко не всеми. В 1711 году ему пришлось повторить приказ, так как плохое обеспечение войска подручными средства-

* Имеется в виду полк под командованием фон Путерера.

¹ АВИМАНВВС, ф. 2, оп. 1, д. 33, лл. 132, 135.

² Реквизиция - сбор провианта у населения насильственным путем. За продовольствие при этом либо платили очень низкую цену, либо не платили ничего.

³ АВИМАНВВС, ф. 2, оп. 1, д. 33, л. 177.

ми для помола зерна вело к серьезным последствиям. В 1712 году, например, в русских полках, восставших в Померании, резко увеличилась заболеваемость солдат. "Ныне,- писал А. Д. Меншикову,- 419 человек больных, между которыми кровавым поносом многие болеют". Врачебное расследование показало - причиной заболевания является то, что солдаты ели пареную рожь ввиду отсутствия мельниц и невозможности перемолоть зерно в муку.

Кроме помола на смоленцев, занимавшихся в походе заготовлением хлеба, легла еще и обязанность печь его. На квартирах у местных жителей это было бы несложно: использовались печи, но в походных условиях приходилось выпекать хлеб, используя импровизированные печи. Какими они были, мы не знаем, но один из способов печения хлеба русскими солдатами описан известным мемуаристом А. Т. Болотовым: "...как заготовлен был провиант, то должны были мы оный принимать и печь себе хлеба. При сем случае в первый раз случилось еще нам печь хлеба сии в земляных печах и растворять квашни в ямах: зрелище до того невиданное и по новости своей любопытное. Мы, увидев помянутые ямки и в них в рогожах и в мешках растворяемое тесто, а для печения хлебов другая, выкопанная наподобие нор, дивились и не хотели верить, чтоб могло выйти что хорошее; но удивление наше увеличилось, когда увидели после хлеба и сухари столь хорошие и вкусные, что таковых мы до того времени еще не едали"⁴.

Продолжая изучать рапорт, узнаем, что за время марша из 996 нижних чинов полка дезертировали 88 человек. Основным поводом к побегу на марше по Литве, являвшейся театром военных действий, а потому и "оскудевшей", были недостатки в обеспечении едой. Когда наступил перебор в организованной заготовке провизии, воины были вынуждены тратить личные средства - покупать продукты за собственные деньги. "Зарабатывал" же пехотинец петровской армии порядка десяти рублей в год, отдавая примерно половину за мундир, часто поддерживая на остальные деньги семью (примерно половина воинов были женатыми). А те солдаты, что не имели денег (об этом говорится в рапорте), были вынуждены питаться одними овощами, благо они еще имелись на огородах. К тому же военным пришлось тащить на себе часть обоза и артиллерию "в грязех и на гору" после того, как пали лошади, что при скуд-

ном пайке еще более утяжелило положение солдат, и некоторые "ушли в бега".

Теперь прокомментируем сообщение подполковника Щербы о том, что во время марша по Польше (от Таруни до Познани) полк квартировал в деревнях и питался "у господарей", т. е. солдаты больше не испытывали недостатка в продуктах питания. Отсутствие затруднений в провиантском довольствии части, направлявшейся в Померанию, объясняется тем, что по договору 1707 года поляки, выполняя союзнический долг, обязались поставлять российским войскам, находившимся на польской территории, "по два фунта оржаной решетчатой муки на день каждому солдату". Но уже в том же 1707 году от польской шляхты начинают поступать жалобы на то, что русские не ограничиваются хлебом, а берут и многие другие виды продуктов.

Польские послы, откликнувшись на жалобы шляхты, вынуждены были сделать русскому правительству заявление, в котором требовали лишить русских офицеров возможности пользоваться бесплатным провиантом. В ответ на ультимативное заявление поляков последовала нота. В ней говорилось, что русские войска на территорию Польши "введены не ради иного чего, но токмо по их желанию и по союзу для охранения живота и вольности их от неприятеля", что на эти цели были "издержаны многие миллионы", которые следовало бы потратить полякам, и, кроме того, послы заверили в том, что "излишняго ничего у них не берется, и излишняго имать накрепко закажется".

Тем не менее меры по борьбе со злоупотреблениями в русских полках, квартировавших в Польше, все же были приняты. Оглашались "жестокие" указы, в которых запрещалось брать у населения что-либо силой, без оплаты. Вместе с тем по польским деревням рассылались универсалы-объявления, призывавшие обывателей свозить провиант в места, где предполагались марши русских полков, "дабы...было довольно на продажу хлеба, калачей и иных съестных припасов и живности". В том случае, если предложения игнорировались, полковая администрация как бы снимала с себя ответственность за своих подчиненных: "...принуждены будут силою брать, где какое пропитание сыщут, и тогда удержать будет их невозможно, к тому ж и вину поставить им будет нельзя, понеже никто, видя способ к получению пропитания, з голоду уморить себя не захочет" (из приказа А. Д. Меншикова 1712 г.)⁵.

⁴ Записки Андрея Тимофеевича Болотова, 1738-1794, СПб., 1871. Т. 1. С. 431.

⁵ АВИМАИВВС, ф. 2, оп. 1, д. 147, л. 387.

У читателя может создаться впечатление о том, что русский воин за границей не имел никакой твердой нормы провиантского пайка. Это не так. Уже с самого начала Северной войны функционировали так называемые порционы, выдававшиеся и рядовым, и офицерам в сложной обстановке заграничных походов, и норма порциона была зафиксирована уставом. Например, в 1716 году солдату предусматривалось на день: хлеба - 2 фунта (819 г), мяса - 1 фунт (409,5 г), две чарки вина (водки) и гарнец (около 2 л) пива⁶.

В заграничных походах на казенное питание переходили и офицеры, а также все командные чины армии, которым на территории России провианта не выдавалось. Они также получали порционы, только в более значительном количестве, чем рядовые. Генерал-фельдмаршалу, например, в 1709 году полагалось 300 порционов в день, а пехотному капитану - 10. Вполне понятно, что такое количество порционов обычно переводилось в деньги, становясь хорошим подспорьем к жалованью. Эти деньги офицеры получали из казны или, как в Польше, с обывателей.

Твердые нормы провиантского довольствия существовали и в период расположения армии на территории России. Установленное при Петре I количество отпускаемых от казны продуктов питания являлось нормой на протяжении всего XVIII века. Выдавалось провиантское довольствие ежемесячно за отслуженный срок и включало два основных компонента: муку (два четверика, что составляло около 30 кг) и крупы (от 1 до 1,5 гарнца - около 2-3 кг). Собственно провиантом в петровскую эпоху и позднее назывались именно эти два продукта. В провиант не входила, но бесплатно выдавалась от казны еще и соль, получаемая нижними чинами по 2 фунта в месяц⁷. Весь же годовой провиант одного солдата обходился казне в 5 руб. 2 1/2 коп.

Обеспечивались петровские воины и мясом. Петр I хорошо понимал, сколь важен этот ценный продукт питания в условиях тяжелой, кровопролитной войны, когда солдатами совершались многокилометровые марши, а артиллерию нередко приходилось перевозить на руках. В 1713 году царь даже распорядился отменить постные дни и выдавать солдатам скоромную пищу, обещая, что после окончания кампании (в Финляндии) людям будет назначено особое

время, чтобы замолить грех и отговориться. Казна уже с начала Северной войны отпускала военнослужащим на мясо по три копейки в неделю, но лишь в течение шести зимних месяцев (во время нахождения на зимних квартирах). В год "мясных денег" выходило по 72 копейки на человека. По ценам того времени на 6 копеек солдат мог приобрести до 2 кг мяса. В случае необходимости воины могли докупать мясо на деньги собственного жалованья. Напомним, что в заграничных походах они получали мясо от казны (по фунту в день), и, думается, эта норма для мясоедных дней и отражала потребность солдат в этом калорийном продукте.

В пищу употреблялось мясо разных животных: "большая скотина", т. е. говядина, а также баранина и свинина, которая в копченом виде под названием "ветчина" в 1707 году выдавалась в полки (на порционные дачи) по той же норме, что и говядина. При перевозке на судах воинам вместо свежего мяса по заведенному во флоте порядку выдавалась солонина, а в некоторых случаях на суше оно заменялось свиным салом или коровьим маслом. Употреблялись в пищу и говяжьи языки⁸. На квартирах в Польше солдаты брали у обывателей кур, уток, гусей, каплунов (кастрированных петухов). При завоевании вражеских крепостей или обозов трофеем победителей становился часто живой скот, который также шел в пищу.

Мясо использовалось, как правило, в щак и каше, варившейся из гречневой, ячменной, овсяной или толоконной крупы, т. е. в традиционных народных блюдах, перешедших в меню нижних чинов армии и, наверное, большей части офицерского корпуса. Для приготовления пищи солдаты обычно группировались в артели, имевшие свои котлы, которые приказывалось иметь обязательно, поскольку мясо не рекомендовалось жарить ввиду неэкономичности такого способа приготовления. Офицеры под страхом взыскания обязаны были следить за наличием котлов у подчиненных. При невозможности обеспечить солдат мясом выдавался двойной хлебно-крупяной паек, как было в Прутском походе 1711 года.

В официально установленный ассортимент порциона не входили овощи, однако в 1707 году артиллеристы, квартировавшие в Польше, собирали с "дымов" (дворов) кроме хлеба, мяса, масла, сыра, сметаны, яиц, соли, вина еще и "зелень огородную": капусту свежую и кислую, бураки (сахар-

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. V. Гл. LXVIII. С. 315.

⁷ Российский Государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 26, оп. 2, д. 205, кн. 1, л. 335 об.

⁸ Там же. ф. 27, оп. 2, д. 205, л. 175.

ную свеклу), петрушку, пастернак, хрен, лук, чеснок, репу и морковь. Ели воины и горох⁹.

В России до середины XVIII века еще не знали картофеля, и русские солдаты познакомились с этой ценной культурой лишь в Пруссии во время Семилетней войны. Но знакомство это оказалось для многих воинов трагическим. А. Т. Болотов писал по этому поводу: "...мы тут впервые увидели и узнали картофель, о котором огородном продукте мы до того и понятия не имели. Во всех ближних к нашему лагерю деревнях засеяны и посажены были его превеликие огороды, и как он около сего времени начал поспевать и годился уже к употреблению в пищу, то солдаты наши скоро о нем проноухали, и в один миг очутился он во всех котлах варимый. Со всем тем, по необыкновенности сей пищи не прошло без того, чтоб не сделаться от нея в армии болезней и наиболее жестоких поносов, и армия наша за узнание сего плода принуждена была заплатить несколькимистами человек..."¹⁰.

Однако употребление в пищу овощей чаще оказывало оздоровительное действие, о чем знали в России испокон веков. Лук, чеснок наряду с уксусом считались вернейшими средствами от цинги и инфекционных заболеваний. Широко употребляли эти продукты в период Северной войны и позднее.

Водка входила в солдатский порцион, как "гастрономическая добавка" к основным продуктам питания, но за ней в петровское время и позднее признавались и сугубо целительные свойства, как, впрочем, и за пивом, которого выдавалось в порции до двух гарнцев, т. е. около 4 л в день. А в некоторых документах встречаются сведения даже о трех гарнцах пива. Однако ко времени появления Воинского устава 1716 года эта дача снизилась до одного гарнца (около 2 л). Пили петровские солдаты и хлебный квас. Для его изготовления им выдавалась негодная для печения хлеба комковая мука. Употребляли воины и масло, но приобретали его за свой счет.

Заключительный штрих в обзоре ассортимента питания петровского солдата внесет упоминание о рыбе, столь любимой в России во все времена. Еще в 1695 году производились большие заготовки рыбы для войска, идущего к Азову: осетров, шук, судаков, лещей наряду с другими съестными припасами. И позднее, несмотря на то что рыба не входила ни в основную провиантскую дачу, ни в порцион, в армию, на-

пример, в 1709 году поставлялись большие партии вяленых сазанов, судаков и шук¹¹. Надо думать, что время от времени рыбные дачи разнообразили солдатский стол, но рыбой снабжали солдат лишь сухой (вяленой) или соленой, поскольку хранить ее в магазинах в свежем виде не представлялось возможным. Чаще рыба приобреталась солдатами за личные деньги на рынке и служила заменой мясу в постные дни.

Продуктовые склады-магазины были не единственным источником пополнения провиантом солдатских ранцев. Армейское командование большое значение придавало маркигантам, признавая огромную ценность их деятельности, особенно во время походов. В приказах по армии требовалось "защищать" маркигантов, в случае необходимости давать им провожатых, определять на квартиры или предоставлять в лагере удобные для стоянки места, но так, чтобы они "при главном стану не стояли и не по своим прихотям разделялись". Рядовым строго запрещалось их "каким-нибудь образом грабить и обиды чинить".

Русская армия пользовалась услугами маркигантов практически всегда, но регулирование деятельности торговцев провиантом берет начало со времен Северной войны. В связи с этим упомянем о двух документах, призванных бороться с немалым злом той эпохи - с неумеренным употреблением спиртных напитков в армии, распространению которых способствовали маркиганты, привозившие в войско водку, вино и пиво. Первый документ - указ "начальному провианту" князю Ф. Ю. Ромодановскому о недопускании к полкам шинкарей, продающих вино, но разрешающий "предлагать им на продажу прочее питье" (1705 г.). Второй - распоряжение Б. П. Шереметева, указавшего: "Шинки на ночь приказать запирать и объявить, чтоб вином и пивом, и медом и рейнским, как пробьют тапту (вечернюю зарю. - С. К.), торговать не велеть, а хто будет продавать в такие часы, с тех будет взят штраф по 6 ефимков"¹² (1707 г.).

Однажды Петр Великий, желая проверить, насколько полноценна солдатская "порцайка", некоторое время питался из артельного котла, после чего заключил, что солдат получает вполне достаточно провианта. И эта норма просуществовала практически столетие.

С. В. КАРПУЩЕНКО

⁹ АВИМАИВВС, ф. 2, оп. 1, д. 40, л. 34.

¹⁰ Записки Андрея Тимофеевича Болотова. С. 489-490.

¹¹ РГАДА, ф. 26, оп. 2, д. 205, ч. IV, л. 2 об.

¹² Ефимок - русская серебряная монета.

¹² АВИМАИВВС, ф. 2, оп. 1, д. 33, л. 143.